

Глава 7

В детстве Лю Цзинхэна однажды удочерила супружеская пара.

Супруги были мелкими местными богачами, но, к несчастью, не могли иметь детей, поэтому к Лю Цзинхэну относились как к родному сыну.

Они говорили, что у него очаровательная внешность, и не обращали внимания на его врождённый порок сердца, даже готовы были тратить большие деньги на его лечение.

Но, казалось, для них ребёнок был лишь способом похвастаться перед другими.

Они записали Лю Цзинхэна на множество кружков: фортепиано, танцы, вокал, — ожидая, что он будет блистать на сцене.

На третий день занятий танцами учительница, не в силах сдержать слёз радости, взяла супругов за руки и сказала:

— Цзинхэн и впрямь меня не разочаровал. Можете подойти на ресепшен и оформить возврат средств.

Она не хотела учить умственно отсталого ребёнка, который ещё не научился владеть собственными конечностями.

Из-за проблем со здоровьем Лю Цзинхэн не мог долго выдерживать занятия, и, хоть и был медлительным, он видел разочарование в глазах приёмных родителей.

Они хотели ребёнка, который бы блистал на сцене, которого бы обожали одноклассники и учителя.

Всё, что требовало физических усилий, было ему не под силу. Чем больше он торопился, тем хуже у него получалось.

В конце концов, эта пара, нарушив закон, вернула Лю Цзинхэна в приют, а затем усыновила здорового, живого и талантливого малыша.

Лю Цзинхэну мало что оставалось делать. Он запирался в маленьком классе и выплёскивал свои эмоции на прописи.

Вернее, не столько выплёскивал, сколько находил в каллиграфии мимолётное успокоение.

Хотя каллиграфия, в отличие от танцев и пения, не давала быстрых результатов и не подходила для сцены, директор приюта с гордостью показывал его работы каждому ребёнку:

— Наш Цзинхэн пишет таким изящным почерком, на овладение которым уходят годы, если не десятилетия. Продолжай в том же духе, и ты прославишь нашу китайскую культуру.

Воспоминания рассеялись.

Лю Цзинхэн посмотрел на уведомление о стажировке, присланное господином Цинь, и кивнул.

Папа-директор был прав.

Чувство гордости.jpg

Лю Цзинхэн неторопливо собирал свои вещи. Завтра, согласно сюжету, он должен был официально переехать в дом семьи Цинь.

Что-то казалось неправильным.

Приказ господина Цинь — есть.

Переезд в дом семьи Цинь — есть.

Потеря невинности Цинь Чуяо — тоже будет.

Всё шло по плану. Наверное, он просто зря беспокоился.

Ярким весенним утром за завтраком в доме семьи Цинь царила мёртвая тишина.

Цинь Чуяо тайком под столом заваливал Чэн Юньцина сообщениями:

□Я же говорил, я не знаю, почему Лю Цзинхэн преследовал меня до самой твоей больницы и устраивал там представления. Но клянусь, у меня с ним ничего нет.□

□Я больше никогда не позволю ему появляться в нашей жизни. Не сердись, ответь мне, пожалуйста.□

□Ха, ты что, играешь со мной в кошки-мышки? За всю мою жизнь никто ещё не смел игнорировать мои сообщения.□

Не дождавшись ответа от Чэн Юньцина, Цинь Чуяо начал нетерпеливо подёргивать ногой.

Сидевший напротив Цинь Ду взглянул на него, отложил вилку и нож и легонько постучал пальцами по столу.

Цинь Чуяо тут же убрал телефон и выпрямился, мысленно проклиная себя.

— Господин Цинь, председатель Цинь, молодой господин, стажёр-управляющий прибыл, — внезапно сообщила подошедшая служанка.

Цинь Ду поднял глаза:

— Стажёр-управляющий?

Господин Цинь промолчал, но его руки, сжимавшие столовые приборы, напряглись. «Какая бестолковая служанка, разве можно говорить о таких вещах за столом?»

Он хотел повернуть всё в обход Цинь Ду, но просчитался. Этой служанке нужно будет найти повод урезать премию.

Цинь Ду посмотрел на своего отца, и в его тёмных, как нефрит, глазах промелькнула тень.

— Да... я как раз встретился с попечителем университета Цзиньхай, кхм-кхм, — старик прокашлялся, выигрывая несколько секунд, чтобы на ходу сочинить историю. — Мы обсуждали сотрудничество по вопросам стажировки, и я заодно взял резюме одного студента, так сказать, из уважения к ним.

Цинь Ду снова взял вилку и нож и принялся ритмично разрезать яичницу:

— Понятно.

Воцарилось молчание. Никто не смел проронить ни слова.

Закончив завтрак, Цинь Ду прополоскал рот и вытер губы салфеткой:

— Пусть стажёр войдёт.

Служанка с облегчением выдохнула и поспешила позвать его.

«Гр-р-р...» — дешёвое инвалидное кресло скрежетало по дорожному мраморному полу, издавая оглушительный шум.

Все за столом одновременно повернули головы.

Цинь Чуяо резко вскочил, на его лбу вздулись вены:

— Как ты здесь оказался?!

— Сядь, — холодно приказал Цинь Ду.

Пальцы Цинь Чуяо сжимались и разжимались, его брови гневно сошлись.

«Чёрт, Чэн Юньцин и так злится, не отвечает на сообщения, а эта проклятая бабочка, оказывается, такая хитрая, что уже пробралась в дом. Когда он успел втереться в доверие к старику?»

Вспомнив о всё ещё обиженном Чэн Юньцине и этой новой напасти, Цинь Чуяо пожалел, что покойные родители не подарили ему ещё пару ртов для оправданий.

Под тяжёлым взглядом дядюшки он с трудом подавил гнев и медленно опустился на стул.

Старик, наблюдая за выражением лица Цинь Ду, не мог понять его эмоций.

Он поспешил представить гостя:

— Это студент Лю Цзинхэн, талантливый выпускник факультета международного гостиничного менеджмента университета Цзиньхай. К тому же, он превосходно пишет, а мне как раз нужен учитель каллиграфии.

Цинь Ду, не удостоив Лю Цзинхэна и взглядом, постукивал указательным пальцем по столу.

«Так, так, так...»

Никто в комнате не смел и дышать.

— Ты, — наконец нарушил долгое молчание Цинь Ду. — У тебя проблемы с ногами. Как ты собираешься справиться с обязанностями управляющего? Десять секунд, можешь придумать объяснение.

Лю Цзинхэн задумался: «Почему десять секунд, а не десять минут?»

— Десять, девять, — уже начал отсчёт Цинь Ду.

Господин Цинь прокашлялся:

— Даже если он не справится с обязанностями управляющего, я же сказал, мне нужен учитель каллиграфии.

Цинь Ду, не меняя выражения лица, проигнорировал его слова и, глядя на часы, продолжил:

— Восемь, семь...

Процессор Лю Цзинхэна, сделав медленный оборот, перегорел.

— Жить не хочется, — он лишь хотел поскорее закончить этот спектакль и обрести покой в земле.

В наше время все мы — пушечное мясо под натиском капитала. Но даже быть пушечным мясом оказалось так сложно.

Отсчёт Цинь Ду прекратился.

Он медленно поднял глаза, и его холодный, отстранённый взгляд скользнул по Лю Цзинхэну.

Цинь Ду взял телефон, встал, и тут же подскочивший шофёр накинуд ему на плечи пальто.

В гнетущей тишине раздался чёткий стук туфель с красной подошвой по полу, постепенно удаляясь.

Как только Цинь Ду ушёл, все с облегчением выдохнули.

Господин Цинь встал и, раскинув руки, словно курица, защищающая цыплят, произнёс:

— Учитель Сяо Лю, добро пожаловать в семью Цинь.

Цинь Чуяо вскочил и развёл руками:

— Дедушка, это что, шутка?

Старик бросил на него косой взгляд:

— Если бы твой почерк был хоть немного похож на человеческий, я бы не стал так утруждаться.

— Я...

Старик снова расплылся в улыбке, отчего морщины на его лице собрались в сливочные складки:

— Учитель Сяо Лю, прошу сюда.

Цинь Чуяо, глядя им вслед, скрипел зубами.

«Лю Цзинхэн, запомни: тебе не удастся меня сломить. Моя любовь к Юньцину — свидетель тому небо и земля».

В машине.

Шофёр, дядя Ван, то и дело поглядывал в зеркало заднего вида.

Он несколько раз открывал и закрывал рот, но в итоге любопытство взяло верх:

— Господин Цинь, почему вы позволили остаться этому полупарализованному, который и поднять-то ничего не может?

Дядя Ван вспомнил, как, устраиваясь на работу водителем в семью Цинь, ему пришлось на собеседовании исполнять экстремальные виражи на предельной скорости, так что из-под колёс летели искры, и лишь после этого он удостоился прохладного «неплохо» от господина Цинь.

Он не понимал. Скрип зубов.jpg

Цинь Ду молчал, словно его и не было в машине. Его взгляд, пронзая стекло, на мгновение задержался на видневшемся вдали кладбище Лунхай.

Слова «жить не хочется», подхваченные прохладным весенним ветерком, пробудили в его памяти пожелтевшие страницы прошлого.

Научив господина Цинь выводить последний иероглиф его имени — «юань», — Лю Цзинхэн наконец вспомнил полное имя старика из романа: Цинь Хаоюань.

Лю Цзинхэн глупо улыбнулся. «Какая у меня плохая память».

Только он собрался отдохнуть, как из-за угла внезапно появился управляющий Ли.

— Господин, господин Лю.

Старик, радостно хихикая, отправился играть в гольф, оставив Лю Цзинхэна на попечение сурового господина Ли.

Господин Ли был одет в форму английского дворецкого, его седые волосы были уложены так гладко, что муха, сев на них, непременно бы поскользнулась и села на шпагат.

— Только что звонил господин Цинь. Он приказал мне немедленно начать ваше обучение профессиональным навыкам управляющего, чтобы вы как можно скорее адаптировались к работе, — сообщил господин Ли.

Лю Цзинхэн, подумав, взял маленький стульчик и указал на будку охраны у ворот особняка:

— Это туда, газеты читать и чай пить, да?

— Это охранник.

Господин Ли мысленно закатил глаза, но сорокалетний опыт работы научил его сохранять невозмутимость даже в самых бурных ситуациях.

«Малышка, со мной тягаться вздумал? Сначала взвесься».

Услышав, что в доме появился стажёр-управляющий, в господине Ли проснулся наставник. Он уже думал, что если Лю Цзинхэн окажется способным и сообразительным, то можно будет даже усыновить его.

Но неприязнь к Лю Цзинхэну вспыхнула с новой силой после одной фразы господина Цинь:

— Старина Ли, тебе ведь в этом году уже шестьдесят пять, да?

Что-то здесь было не так.

Сначала эта фраза заставила господина Ли насторожиться, но, увидев глуповатый вид Лю Цзинхэна, он успокоился.

Господин Ли коварно улыбнулся. «Стоит старине Ли взяться за дело, как этот Сяо Лю тут же вылетит вон».

— Сяо Лю, раз уж ты выбрал профессию управляющего, будь готов отказаться от человеческого облика.

Лю Цзинхэн медленно повернулся к господину Ли. «Отказаться от... человеческого облика?»

Многоугольное лицо управляющего Ли с его острыми, как у бензольного кольца, чертами... У нормального человека такого лица быть не может...

— Типун тебе на язык, типун тебе на язык... — прикрыв глаза, пробормотал он.

Господин Ли продолжил:

— Управляющий — это менеджер домашнего хозяйства. В его обязанности входит, но не ограничивается: управление ежедневными расходами, закупка товаров, уборка дома, ремонт техники и обеспечение безопасности. Особенно работая в семье Цинь, нужно быть готовым к тому, что голова твоя держится на волоске.

— Господин Цинь обычно занят на работе и редко бывает дома, так что ты будешь учиться у меня. Слушай и запоминай.

— Хорошо.

«Что запомню, то запомню. Себя мучить не буду. Человек должен уметь отступить, быть снисходительным к себе и строгим к другим».

— Но прежде я должен особо предупредить тебя о двух вещах, — господин Ли не хотел этого говорить, ему больше хотелось посмотреть, как Лю Цзинхэн попадёт впросак и поскорее уберётся.

Но страсть к наставничеству снова взяла верх, и слова полились из него, как из дырявого чайника.

— В настоящее время главой семьи является господин Цинь. У него много запретов. Особенно запомни: в комнату его матери в конце третьего этажа входить нельзя. Кроме того, если допустишь ошибку в работе, ни в коем случае не ищи оправданий и не пытайся выкрутиться с помощью милого личика.

Лю Цзинхэн кивал и кивал.

Его цель — Цинь Чуюо. Это его единственный ключ к прохождению игры. Остальные не важны.

Но... кто такой господин Цинь?

Тот старик или холодный мужчина за завтраком?

Впрочем, это тоже не важно.

Третий этаж так высоко, только дурак туда ползет.

Голос господина Ли вырвал его из раздумий:

— Твои проблемы с ногами — это одно, и то, что тебя оставили в доме, — милость господина. Но работу, которая тебе по силам, ты должен выполнять добросовестно. Учись, слушай и запоминай.

Господин Ли достал из-под мышки чёрный кожаный блокнот и открыл его:

— Твоя первая задача на сегодня — закупить продукты на следующую неделю. Список я тебе напишу. Возьмёшь такси до супермаркета, с которым у семьи Цинь контракт, выберешь самые свежие продукты. Расходы возместят.

«Хлоп». Господин Ли захлопнул блокнот.

Под его насмешливым, полным скрытой угрозы взглядом Лю Цзинхэн ответил:

— Хорошо.

Вместо того чтобы просто сделать скриншот, господин Ли не поленился и переписал список от руки.

Лю Цзинхэн взял рукописный список и пробежался по нему глазами.

Двадцать цзиней лучшей говядины «Пома», двадцать цзиней отборных абалонов «Цинбянь», десять пар ласточкиных гнёзд из Хуайцзи...

Лю Цзинхэн сложил список и вышел.

В окне особняка мелькнула фигура господина Ли, оставив за собой тень многозначительной и пошлой улыбки.

В этот момент подошла служанка с каким-то бланком и спросила:

— Управляющий Ли, на время поста, по требованию господина Цинь, все украшения должны быть тёмных тонов, верно?

Улыбка господина Ли стала ещё шире:

— Конечно. Во время поста нельзя допускать ошибок. От этого зависит твоя судьба.

<http://bllate.org/book/14550/1289023>